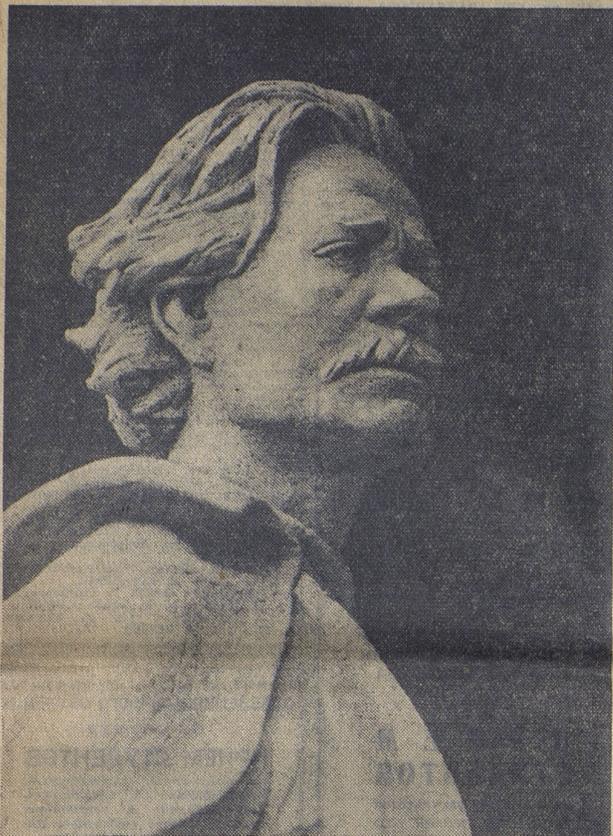

Пятая годовщина смерти Алексея Максимовича Горького

Гениальный художник слова, борец за победу коммунизма

А. М. Горький. Скульптура В. И. Мухомовой.

Могучее оружие

В траурный день пятилетия смерти Максима Горького я хочу напомнить всем, кому дорого художественное слово, литературные заветы Алексея Максимовича, о том, как необходимо знать, любить и честно обращаться со словом, этим могучим оружием идеологической борьбы.

Литература нашей родины должна быть на высоте идей и практики строящегося коммунизма. Глубокие общественные процессы должны найти в литературе адекватное отражение. Для этого у нас все предпосылки и возможности.

«...Мы живем в эпоху коренной ломки старого быта, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя, как силы, действительно изменяющей мир».

Алексей Максимович неустанно напоминал, что основным героем наших книг должен быть избран человек, организуемый процессами творческого, социального труда и одновременно организующий труд, возвышающий его на степень искусства.

Призывая создать произведения о человеке социализма, действительно изменяющем мир, Горький ни на минуту не забывал о живучих силах прошлого. Он обрушивался на мещан, на слезливые псевдолирические и псевдопсихологические писания ветствующих нытиков. Великий разоблачитель мещанства, Горький указывал, что надо изображать мещанство ярко и выпукло во всем его отвратительном безобразии, чтобы по силе изображения это равнялось Фаусту, Гамлету...

Большие задачи, поставленные перед советскими литераторами, требуют овладения мастерством. И Горький воспитывал мастеров литературы, призывал учиться «делу живописи словами у старых мастеров», призывал освоить приемы работы, «секреты» мастеров... Вооружить молодых писателей знанием литературной техники — вот одна из первоочередных задач, стоящих перед нами.

Точные, меткие, отвечающие смыслу определяемого ими понятия, слова — вот задача писателя. Так и только так нужно понимать то, что Пушкин учил нас у московских просвирен, у своей няни Родионовны. Таким именно языком писали классики, тщательно работая над ним, отшлифовывая, как говорил Алексей Максимович, все «случайное, временное и непрочное, капризное и фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», т. е. строем общепонятного языка».

Алексей Максимович так формулировал значение языка в классовой борьбе. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за оружие культуры. Чем острее это оружие, тем более точно направлено — тем оно победоноснее. Именно поэтому один всегда стремится притупить язык, другие — оттачивать его».

Горький очень любил старинные сказки: «...устная поэзия трудового народа, — той поры, когда певец и рабочий совмещались в одном лице, — эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне озариться с обязательной красотой и богатством нашего языка».

Он писал также в сказках силу честную, прямую, упрядную, настоящую, разоблачающую и побеждающую глубину, тупость, злобу всех попов, богов и чертей, силу, олицетворяющую во всех героях сказок, — творческую силу народа.

Все это, сказанное пять и больше лет тому назад, остается в силе и по сей день. У нас валидо значительные сдвиги в литературе, и строгие отношения к искусству, и более глубокая психологическая записка. Но всего этого мало, недостаточно для нашего двухсотмиллионного народа, строящего коммунизм. Великим писателем рабочего класса намечены вехи на пути искусства создателями нового мира. Нужно видеть эти вехи, видеть процесс создания

На вооружении пролетариата

А. М. Горький оказал огромное влияние на творчество многих советских прозаиков и поэтов. Это благотворное и благородное влияние великого человека и писателя ощутил на себе и я. Горький в свое время указал тот путь, по которому должна идти поэзия.

В 1927 году вышла моя первая книга стихов «Провода в соломе». Книга эта во многом была несовершенна, но писала я ее от всей души, желая показать то, что принесла и несет в деревню советская власть. И мне было обидно и непонятно — почему некоторые тогдашние критики начали говорить о ней в издательском тоне. Я был совершенно дезориентирован и не знал, как быть, в каком направлении писать дальше и следует ли вообще писать. В литературе тогда существовало довольно много различных групп и группочек, все они ругали друг друга, и мне, начинающему «смоленскому поэту», трудно было разобраться, кто же в конце концов прав.

И тут на помощь мне пришел Алексей Максимович. Он жил тогда в Италии, но это не помешало ему заметить скромную книжку «крестьянина Неаковского» и написать о ней статью.

В своей статье Горький говорил: «...я не считаю себя знатоком и тонким ценителем техники современного стиха. Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена певным содержанием».

Эти слова стали для меня путеводной звездой.

Простота, искренность, содержательность — вот что требуется от поэзии, — думал я словами Горького. И с тех пор уже никто не мог бить меня с толку.

В той же статье Горький отметил главным образом те из моих стихов, в которых описывалась новая советская деревня.

Этим самым он как бы еще и еще раз подчеркнул особую важность для поэзии современной тематики и таких поэтических произведений, которые непосредственно служили делу социалистического строительства.

Иные «пичуги» и сейчас выступают с эпигонскими стихами о разлуке, отверженности, одиночестве и оправдывают это своими «переживаниями». Такие стихи пишутся и в Москве, и в Ленинграде, Киеве, Харькове, Ереване. Но вся эта слезливая поэтическая возня не имеет никакого отношения к нашим дням. Это — «поэтическая» поэзия, литературное кокетство, та игра в «трагедию», которая весьма далека от мужественного отношения к жизни, от борьбы с действительными невзгодами.

Такая поэзия далека от правды жизни, от той поэзии, которую любит народ. А именно народность лирической поэзии является единственной программой поэзии советских поэтов. Много лет тому назад Алексей Максимович писал: «...не пора ли деятелям литературы понять, что время требует от них работы на вооружение пролетариата, на оборону его от всевозможных заразных болезней прошлого, на возбуждение в нем непримиримой ненависти к производителям всех несчастий, мучений, всех «трагедий» социального бытия?».

Эти требования предъявлял он всегда. В последние годы своей жизни Горький, как известно, редактировал журнал «Колхозник». Требования Горького в стихах, предназначенных для журнала, были все те же: он хотел стихов простых, искренних и актуальных, таких стихов, которые бы волновали читателя и звали бы его вперед — к новым делам и к новым победам —

Человек и его труд

Бальзак создавал «Человеческую комедию» том за томом, по грандиозному плану — величественную картину жизни, быта и нравов. Золя писал естественную историю» Рупон-Маккаров: одна семья поглотила целую жизнь писателя. Это был труд тяжелый и изнурительный, невероятный по настойчивости, длительности и упорной последовательности, с какой строились их литературные пирамиды.

Горький никогда не задавался целью создать что-либо подобное. Он не привел к внешнему единству свои произведения, не объединял их одним и теми же героями. И все же Горький оставил потомству летопись русской жизни, охватывающую почти полвека, по своей систематичности не уступающую Бальзаку, а по широте и цельности картины превосходящую его. Горький создал энциклопедию русского общества последней стадии существования капитализма, и можно с уверенностью сказать, что нет за этот период такого вопроса, нет такого общественного явления и такой мысли, которая так или иначе не была бы запечатлена в произведениях Горького.

Сорок, а то и пятьдесят лет исторического развития — обнажены его пером, обнажены анатомически, слой за слоем, нерв за нервом, с упорством исследователя, с добросовестностью и точностью ученого. Его творческие вымыслы обладают силой научной убедительности и достоверностью исторических фактов. Внешне не связанные между собою, различные по задачам, стилю и форме, рассказы, повести, стихи, сказки, легенды, романы и драмы Горького отмечены глубоким внутренним единством, источник которого не только в личности художника, но и в особенности в небывалой повизне руководящих им идей.

Можно было бы изобразить место Горького в мировой литературе в кругу: Данте — Бальзак — Горький. Зарей «Божественной комедии» — началась эпоха буржуазии в литературе. У Данте человеческая личность заявляла свои права перед авторитетом религии, перед лицом средневековых порядков. У Бальзака личность, наделенная буржуазными принципами, приходила в столкновение с обществом, протестовала против буржуазной общественной апархии. У Горького народ судил капиталистическое общество. Он вынесил его приговор — неприемлемый и безжалостный.

Идеи марксизма-ленинизма лежали в основе творчества Горького. Участием славной борьбы пролетариата против капиталистического строя — Горький был первым великим художником-борцом за победу коммунизма. Революционная борьба большевиков, великие идеи Ленина и Сталина оплодотворяли творчество Горького. Его герой выносит приговор капитализму, потому что он судит его по новым, социалистическим нормам, рожденным рабочим классом. Герои Горького могут ничего не знать о социализме, — все равно: подсказанные им живые мысли, стремления, чаяния будут тяготеть к кругу идей, созданных социализмом. Они будут видеть жизнь той единственной горьковской мерой, которая сосредоточена в двух понятиях: человек и труд.

Нет границ преклонению Горького перед человеком — «самым великим чудом мира и творцом всех чудес на земле». Труд, деяние человека служат мерилом его силы и достоинства.

«Не словом, — а делом, деянием создано на земле всё то, чем люди имеют право гордиться, всё то, что привело нас на высоту, которую мы заняли и где нас видит весь мир трудящихся. В мире еще не было того уважения к труду, той высокой оценки его, которую он заслуживает...»

На почве высокой оценки труда и уважения к трудящимся нам дана возможность создать свою, новую мораль. Труд и наука — выше этих двух сил

Это творческое «кредо» Горького объединило обширный и разнообразный мир его созданий. В самых различных оттенках и формах своего понимания герои Горького живут этой мыслью: «скука жизни» для них есть выражение постылого труда, и в самом тяжком горе, на дне жизни, в тупых, озверевших людях пробуждается буйная, озорная, веселая радость, когда под руками светло и осмысленно спорится трудное дело. Труд дает сознание личности, и мир творений Горького наполнен замечательными умениями, которые хоть в чем-нибудь возвели свой труд на степень искусства.

«Боятся дела только те, кто его не знает или плохо знает. Такие люди, будучи испуганы сложностью дела, конечно, неспособны развивать его и стараются упростить. Результат упрощения обыкновенно таков: «Сбил, сколотил, — есть колесо! Сидела поехал, — ах, хорошо! Оглянулся назад, — один спицы лежат».

К разряду упрощателей принадлежат люди бездарные, бесталанные, а также «врачи», людишки, которые спешат занять видные места, паразиты...».

Ненависть к паразитам у Горького была свирепая, жестокая, язвучая. Простая борьба против капиталистического паразитизма в любых жизненных, в том числе и идейных, его формах являлась у Горького двигательными силами его героев. Они имели право судить капитализм; впоследствии Горький скажет: «Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель...».

То, что составляло величайшее убеждение писателя, итог его огромного жизненного опыта и существо его творчества, он завещал советской литературе. На первом съезде Союза советских писателей Горький говорил: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства».

К сожалению, и сейчас с прежней укоризной звучат горьковские слова, сказанные им еще в 1931 году о писателях, которые плохо работают «перед лицом масс, которая работает героически, с небывалым энтузиазмом, с пламенным пафосом, с пафосом, который почему-то слабо заражает нас, товарищи литераторы и критики».

Именно как художник труда, как создатель образов людей труда и борьбы, как неустанный пропагандист новых социальных, политических, этических и эстетических норм, основанных на принципе горьковства труда, Горький поднял мировую литературу на новую ступень. Его именем открывается первая страница новой, социалистической литературы. И художественные принципы, которые завещаны ей Горьким, остаются ее острое оружие.

Оставял эстетикой и стилем социалистического реализма, в котором точность наблюдения, правдивость изображения сочетаются с «романтизмом» идеалом, Горький писал: «...в нашей литературе не было и нет его «романтизма», как проповеди активного отношения к действительности, как проповеди труда и воспитания воли к жизни, как пафоса строительства новых ее форм и как ненависти к старому миру». Труд, деяние человека служат мерилом его силы и достоинства.

«Не словом, — а делом, деянием создано на земле всё то, чем люди имеют право гордиться, всё то, что привело нас на высоту, которую мы заняли и где нас видит весь мир трудящихся. В мире еще не было того уважения к труду, той высокой оценки его, которую он заслуживает...»

Строгая любовь

На первом съезде писателей я слышал выступление Горького. Он горячо одобрил слова одного участника съезда о том, что советским писателям дано все, за исключением права писать плохо, и добавил, что также нужно отнять у писателей право командовать друг другом, оставив им только право учить, т. е. обмениваться опытом. «Только так и никак иначе», — подчеркнул Алексей Максимович. Он сам щедро передавал свой опыт молодым и начинающим писателям.

За пять лет до съезда писателей я читал Горькому свои стихи у него на квартире в Машковом переулке. В то время все мое творчество — черновики, чистовики и печатные труды — умещалось в одном кармане пиджака. Я начал с чтения напечатанных стихов. И, хотя знал их наизусть, гордо развернул номер журнала «Друг детей». Читал и думал — сейчас услышу горьковское «хорошо» с ударением на «о». Вель он сам пригласил меня к себе, так приветливо принял, так чутко постарался рассеять мое волнение при встрече с ним. Но, прочитав стихи, я услышал (с ударением на «о»): «Плохо, надо переделать». Тут же он объяснил, что именно надо переделать. У меня, например, были строки: «Мне смерти чудится лицо, ее разинутая пасть». Горький сказал, что или вместо «лицо» надо поставить «морда», или вместо «пасти» — «оскал», «лицо и пасть несовместимо».

Прочел ему другое напечатанное стихотворение — «Моя жизнь». Опять слышу: «Надо переделать». Не нравились ему последние строки этого стихотворения: «Тогда и я забуду грусть и, может быть, узнаю счастье». Он велел обязательно убрать «может быть». «Если будете учиться и работать, то узнаете счастье не может быть, а наверняка!»

Когда все мои «печатные труды» были сурово раскритикованы, я по просьбе Горького прочел ему по рукописи отрывок из поэмы «Ночлежник». Этот отрывок очень нравился мне самому и многим поэтам и редакторам. Читал я с большим чувством. Когда окончил, Горький велел начать сначала. Я подумал, что он хочет послушать еще раз. Но он остановил меня на третьей строфе, начинавшейся строчкой: «хриплым голосом спросила». Дальше шел длинный диалог героев стихотворения, по поводу которого Горький сказал, что мои герои мрачно настроены. Он обратил мое внимание на последнюю строфу, где была строка: «свруг запела песню звонко». «Как же это получилось? — сказал Алексей Максимович. — Имея хриплым голос, нельзя звонко запеть».

Строго и любовно относился Горький к литературе. На вопрос, можно ли посвятить себя другой специальности, совмещая с этим занятием литературой, он ответил: «Литература — баба рьяная — совместительства не терпит» и пояснил, что литература надо отдаваться целиком, но перед этим хорошо проверить свои силы.

Несколько слов о Горьком, как о воспитателе. Когда я почел ему начало поэмы «Ночлежник», где были строки — «Хочу, чтоб стих мой прозвенел, как в стекла брошенный булыжник», Алексей Максимович спросил: «Часто в жизни стекла били?» Я гордо рассказал несколько случаев. Горький нахмурился, потом стал вспоминать вслух, как в детстве он с приятелем бил стекла редких уличных фонарей, как их поймали фонарщик, но вместо того, чтобы дать взбучку, рассказал ребятам о работе на стекольных заводах. «Мы поняли, — сказал Горький, — что стекло — плод большо-

А. М. Горький на авиационном празднике в Тушино, Август 1934 г.

Из воспоминаний

В Художественном театре СССР имени Горького я ставил пьесу Алексея Максимовича «Достигаев и другие». Помню, как сам Горький читал нам это произведение. Когда кончилась читка, он помогать немного, а потом сказал, обращаясь к актерам:

«Ну-с, теперь расскажите ваши впечатления!»

Горький-драматург очень считался с замечаниями наших режиссеров, актеров, чутко к ним прислушивался, верил в их искренность и знание особых профессиональных законов сцены.

Интересно, что в то время, когда проходила читка пьесы «Достигаев и другие», в Художественном театре шли полным ходом репетиции пьесы «Борь Бульчичев и другие». Поэтому весь коллектив театра был захвачен образами горьковской драматургии, многим предстояло воплотить их на сцене. Я в то время репетировал роль Егора Бульчичева, покорившую меня психологической сложностью и многогранностью этого образа.

Я чувствовал, что еще не нашел настоящего ключа к полному овладению образом. И вот однажды, снова перечитывая пьесу, я почувствовал, что меня как-то по особому задела одна фраза Бульчичева: «...не на той улице я живу!» Я вдруг понял всю силу этой богатой природы, его тоску и злость, бунт отчаяния против всего ничтоже-

ства, с которым связана его жизнь. Найдя ключ к пониманию образа, я совсем по-иному стал работать над ролью.

В процессе работы над Бульчичевым мне много раз приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем, подолгу беседовать с ним. Когда я спрашивал у него о некоторых, чисто биографических деталях из прошлого Бульчичева, Горький с потрясающей силой рассказчика начинал вспоминать и рассказывать такие истории, что я забывал обо всем на свете, сидел молча, боясь проронить хотя бы слово. Как я жалею потом, что эти его истории никем не записывались, остались вне собраний его сочинений. После авторской разработки они составили бы еще несколько томов замечательных произведений Горького.

К сожалению, А. М. Горькому уже не удалось быть на премьере его пьесы «Достигаев и другие», показанной театром в дни 40-летнего юбилея Художественного театра. Для нас, «стариков МХАТ», и для новых поколений Художественного театра оценка драматурга, чье имя с гордостью носит театр, была бы лучшей наградой. А образы его произведений вечно будут жить в спектаклях театров необятной Советской страны, в спектаклях передовых театров всего мира.

Л. ЛЕОНИДОВ,
народный артист СССР.

Сто строчек

Передо мной большие листы линованной бумаги, сплошь исписанные рукой Горького. Круглые, почти оторванные одна от другой буквы ложатся на страницу ровным и в то же время причудливым узором.

Помнится тот далекий день, когда Алексей Максимович достал эти листы из шкафа своего стола.

Увидев в руках у Алексея Макси-

тическую — классовую причину этой медленности.
В своих программах детского чтения Горький был, разумеется, далеко от упрощенной дидактики. Но основные его педагогические мысли сквозят в этих кратких записях со всей отчетливостью, пронизывают их красной нитью. Главным героем большинства предложенных и придуманных им книг является

во, кому дорого художественное слово, литературные заветы Алексея Максимовича, о том, как необходимо знать, любить и честно обращаться со словом, этим могучим оружием идеологической борьбы.

Литература нашей родины должна быть на высоте идей и практики строящегося коммунизма. Глубокие общественные процессы должны найти в литературе адекватное отражение. Для этого у нас все предпосылки и возможности.

«...Мы живем в эпоху коренной ломки старого бытия, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя, как силы, действительно изменяющей мир».

Алексей Максимович неустойно напоминает, что основным героем наших книг должен быть избран человек, организуемый процессами творческого, социального труда и одновременно организующий труд, возводящий его на ступень искусства.

Призывая создать произведения о человеке социализма, действительно изменяющем мир, Горький ни на минуту не забывал о живучих силах прошлого. Он обрушивался на мещан, на слезливые псевдоисторические и псевдопсихологические писания эстетствующих нытиков. Великий разоблачитель мещанства, Горький указывал, что надо изобразить мещанство ярко и выпукло во всем его отвратительном безобразии, чтобы по силе изображения это равнялось Фаусту, Гамлету...

Большие задачи, поставленные перед советскими литераторами, требуют овладения мастерством. И Горький воспитывал мастеров литературы, призывал учиться «делу живописи саовами у старых мастеров», призывал освоить премы работы, «секреты» мастерства... Вооружить молодых писателей знанием литературной техники— вот одна из первоочередных задач, стоящих перед нами. У классиков Алексей Максимович советовал учиться языку. Язык— один из основных элементов литературы, и уметь пользоваться им, отбирать

то, что задана писателем. Так и только так нужно понимать то, что Пушкин учился у московских просвирен, у своей няни Родионовны. Таким именно языком писали классики, тщательно работая над ним, откидывая, как говорит Алексей Максимович, все «случайное, временное и непрочное, капризное и фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», т. е. строем общепонятного языка».

Алексей Максимович так формулировал значение языка в классовой борьбе. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за оружие культуры. Чем острее это оружие, чем более точно направлено— тем оно победоносней. Именно поэтому люди всегда стремятся приугадать язык, другие — оттачивать его».

Горький очень любил старинные сказки: «...устная поэзия трудового народа, — той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице, — эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне озабочиться с обязательной красотой и богатством нашего языка».

Он писал также в сказках силу честную, прямую, упрямую, настойчивую, разоблачающую и побеждающую глупость, тупость, злобу всех попов, богов и чертей, силу, одолевшую во всех героях сказок, — творческую силу народа.

Все это, сказанное пять и больше лет тому назад, остается в силе и по сей день. У нас налицо значительные сдвиги в литературе, и строже отношение к искусству, и более глубокая психологическая заплата. Но всего этого мало, недостаточно для нашего духовно-миллионного народа, строящего коммунизм. Великим писателем рабочего класса намечены вехи на пути искусства создающегося нового мира. Нужно видеть эти вехи, видеть процесс создания нового мира, участвовать активно в этом процессе, как это делал наш Горький.

Алексей ТОЛСТОЙ.

В Музее А. М. Горького

В эти дни в Музее А. М. Горького особенно многолюдно. В документах, письмах, выдержках из речей и статей перь экскурсантами встает облик беззаветного друга трудящихся и пропагандиста первого в мире социалистического государства.

Сегодня открывается раздел, посвященный роману Горького — «Жизнь Клима Самгина».

19 и 20 июня в музее устраиваются «Горьковские чтения». Будут заслушаны доклады на темы: «Ленин, Сталин, Горький», «Горький о языке», «Новаторство Горького и классические литературные традиции» и др.

К «Горьковским чтениям» открывающаяся выставка фондов музея—будут показаны редкие документы, фотографии, рукописи, рисунки.

Горький-критик

Издательство «Художественная литература» выпустило том несобранных литературно-критических статей М. Горького. Когда впервые берешь в руки эту книгу, думаешь о том, что она обещает еще одну, как бы нежданную беседу с великим писателем, еще одну возможность погрузиться в мир горьковских мыслей и чувств; и вместе с тем невольно думаешь о том, что сборник произведений, забытых не только современниками, но и, возможно, самим автором, скорее всего познакомит нас с вещами недоделанными или случайными. Но вот приступаешь к чтению книги, и с радостью убеждаешься в том, что перед нами не один лишь «материал» для прохладных комментариев, а книга, полная красок и жизни, вся от первой до последней страницы пропитанная пафосом великой души. Как чудесно это написано! Хочется прежде всего сказать о многих статьях этого сборника. Несомненно, что критические наброски о Бальзаке, Анатоле Франсе, Лескове, Слепцове, Стасове следует причислять к лучшим образцам горьковской прозы. Об этих писателях, «столь несходных характером таланта и местом в истории культуры», Горький рассказывает словами вескими и удивительно музыкальными, рассказывает очень сжато и в то же время свободно, умея даже краткую заметку написать так, что она кажется точно вырезанной из драгоценного камня.

На самые разнообразные литературные явления отзывался Горький. И по своему жару статьи, вошедшие в сборник, также очень различны: читатель находит здесь фельетоны, заметки, литературные портреты, ораторские выступления, некрологи, мемуары, ответы на литературные анкеты — статьи, предисловия, заметки, воспоминания, речи, написанные в произнесенные в течение нескольких десятков лет по различнейшим поводам и случаям. И все же ка-

ким пестрым ни кажется на первый взгляд этот сборник, больше всего привлекает он к себе внутренним единством. В каждой статье и заметке, независимо от того, принадлежит ли они начинающему фельетонисту провинциальной газеты, или знаменитому писателю, чье слово находит доступ к разуму и сердцу миллионов, — в каждой из них ощущается нечто общее, чисто горьковское.

«Он говорил об искусстве так, как будто оно было создано его предками по крови — праведом, делом, отцом, как будто искусство создано во всем мире его дети, а будут создавать — внуки, и казалось, что этот чудесный старик всегда и везде чувствует юным сердцем тайную работу человеческого духа — мир для него был мастерской, в которой люди пишут картины, книги, строят музыку, высекают из мрамора прекрасные тела, создают величественные здания...»

Он верил в неистощимую энергию мирового творчества, и каждый час был для него моментом конца работы над одним из вешам, моментом начала создания ряда других».

Эти строки Горький написал о критике В. Стасове. Но еще более подходит они к самому Горькому. Пленительной чертой Горьково-критика было родственное, близкое, личное отношение ко всем, кто талантливо и честно трудится в литературе. Даже о литераторах, отдаленных и прошлым, и пространством, и чужим языком, Горький — если только угадывал в них настоящее бескорыстие художников — умея писать как о товарищах и собратях своих.

Меньше всего по этому поводу можно говорить о литературной всеядности, ибо галактическим и честным трудом в литературе Горький называл лишь тот труд, который в конечном счете служит священному делу освобождения человечества, служит всеком-

му делу освобождения человечества. Данте человеческая личность заявляла свои права перед авторитетом религии, перед лицом средневековых порядков.

Этим самым он как бы еще и еще раз подчеркнул особую важность для поэзии современной тематики и таких поэтических произведений, которые бы непосредственно служили делу социалистического строительства.

Иные «плиты» и сейчас выступают с эпигонскими стихами о разлуке, отверженности, одиночестве и оправдывают это своими «переживаниями». Такие стихи пишутся и в Москве, и в Ленинграде, Киеве, Харькове, Ереване. Но вся эта слезливая поэтическая возня не имеет никакого отношения к нашим дням. Это — «эпитетическая» поэзия, литературное кокетство, та игра в «трагедию», которая весьма далека от мужественного отношения к жизни, от борьбы с действительными невзгодами.

Такая поэзия далека от правды жизни, от той поэзии, которую любит народ. А именно народность лирической поэзии является единственной программой поэзии советских поэтов. Многодетному назид Алексей Максимович писал: «...не пора ли деятелям литературы понять, что время требует от них работы на вооружение пролетариата, на оборону его от всевозможных заразных болезней прошлого, на возбуждение в нем непримиримой ненависти к производителям всех несчастий, мучений, всех «трагедий» социального бытия?».

Эти требования предъявлял он всегда. В последние годы своей жизни Горький, как известно, редактировал журнал «Колхозник». Требования Горького к стихам, предназначенным для журнала, были все те же: он хотел стихов простых, искренних и актуальных, таких стихов, которые бы волновали читателей и звали бы его вперед — к новым делам и к новым победам на благо родины.

Эти требования великого писателя к поэзии и сейчас ни в какой мере не потеряли своей остроты. Наоборот, в наши дни они должны прозвучать с еще большей силой. Советский народ требует от нас поэзии простой и полноценной, поэзии боевой, поэзии, говорящей о героических буднях страны социализма, поэзии, понятной и близкой миллиону. Создание такой поэзии — наша непосредственная и ближайшая задача. Выполнить ее — значит выполнить один из заветов Алексея Максимовича Горького, оставленных советским литераторам.

М. ИСАКОВСКИЙ.

надеждам народа.

Каждый художник был близок Горькому, но все дело в том, что художники он называл лишь творцов и работников полнимо прогрессивного искусства. Глубоко уважал его ко всем, кто своим талантом, чувством и талантом, служат горьковской цели социальной правды, борьбы с болезненными себялюбиями и холодными фокусниками в искусстве — такова одна из руководящих идей книги несобранных горьковских статей.

Отсюда — и давняя, никогда не затухавшая любовь Горького ко многим недостаточно оцененным русским писателям, таким, как Помаловский, Кушневский, Левитов, Слепцов... С какой поистине нежной любовью очерчивал Горький образы хороших, честных русских литераторов, от которых история культуры торжественно отделялась с помощью эпитета «второстепенные!» «У нас есть, — замечает Горький, — огромная литература «второстепенных», которую мы совсем не знаем и которая может дать и чувству, и мысли значительно больше того, что дадут сейчас».

О некоторых из этих «второстепенных» Горький рассказывает с той любовью, которой, к сожалению, в иных литературоведческих трудах, одновременно холодных и грескучих, не удостоиваются и крупнейшие наши писатели. Прекрасно удалось Горькому литературно-критический портрет Василия Слепцова. Автор «Горька Оксорова» — Горький подчеркивает, что в эпоху, когда литература была наводнена сентиментальными картинами народного быта, Слепцов «заговорил тоном спокойного наблюдателя о нелепой жизни мещанского городка Останковича...»

Написав статью о Слепцове, Горький вернул «второстепенному имени» живую индивидуальность, и отныне Слепцов для нас уже русский писатель, с которым хочется познакомиться поближе. Не есть ли это второе рождение незаслуженно забытого литератора?

Данте человеческая личность заявляла свои права перед авторитетом религии, перед лицом средневековых порядков. У Бальзака личность, наделенная буржуазными нравами, приходила в столкновение с обществом, протестовала против буржуазной общественной анархии. У Горького народ судил капиталистическое общество. Он выносил ему приговор — неприятный и безжалостный.

Идеи марксизма-ленинизма лежали в основе творчества Горького. Участник славной борьбы пролетариата против капиталистического строя — Горький был первым великим художником-борцом за победу коммунизма. Революционная борьба большевиков, великие идеи Ленина и Сталина оплодотворяли творчество Горького. Его герой выносит приговор капитализму, потому что он судит его по новым, социалистическим нормам, рожденным рабочим классом. Герои Горького могут ничего не знать о социализме, — все равно: подсказанные им жизнью мысли, стремления, чаяния будут тяготеть к кругу идей, созданных социализмом. Они будут мечтать жизнь той единственной горьковской мерой, которая сосредоточена в двух понятиях: человек и труд.

Нет границ преклонению Горького перед человеком — «самым великим чудом мира и творцом всех чудес на земле». Труд, деяние человека служат мерой его силы и достоинства.

«Не словом, — а делом, деянием создано на земле всё то, чем люди имеют право гордиться, всё то, что привело нас на высоту, которую мы заняли и где нас видит весь мир трудящихся. В мире еще не было того уважения к труду, той высокой оценки его, которую он заслуживает...»

На почве высокой оценки труда и уважения к трудящимся нам дана возможность создать свою, новую мораль. Труд и наука — выше этих двух сил нет ничего на земле».

Горьковская конференция

Вчера во Всероссийском театральном обществе состоялась по традиции ежегодно созываемая однодневная Горьковская конференция.

Конференция заслушала доклад Б. А. Балка на тему «Ленин и Горький» по интересным материалам, предоставленным Институтом Маркса—Энгельса—Ленина и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Доклад на тему «Культура горьковского спектакля» сделал М. С. Григорьев. Докладчик отметил повышение

культуры постановки и исполнения горьковских пьес в театрах Москвы и периферии. Он проанализировал спектакли «Варвары» — в Малом театре и «Зыковы» — в театре им. Ленинского комсомола (Москва), «Дети солнца» — в Ростовском драматическом театре им. Горького и «Последние» — в Белорусском государственном драматическом театре.

Вечером с воспоминаниями о встрече с А. М. Горьким выступил писатель К. А. Федин.

И. БАЧЕЛИС.

были сурово раскритикованы, я по просьбе Горького прочел ему по рукописи отрывок из поэмы «Ночлежник». Этот отрывок очень нравился мне самому и многим поэтам и редакторам. Читал я с большим чувством. Когда окончил, Горький велел начать сначала. Я подумал, что он хочет послушать еще раз. Но он оставил меня на третьей строфе, начинавшейся строкой: «хриплым голосом спросила». Дальше шел длинный диалог героев стихотворения, по поводу которого Горький сказал, что мои герои мрачно настроены. Он обратил мое внимание на последнюю строфу, где была строка: «вдруг зазвела песню звонко». «Как же это получилось? — сказал Алексей Максимович. — Имея хриплый голос, нельзя звонко запеть».

Строго и любовно относился Горький к литературе. На вопрос, можно ли посвятить себя другой специальности, совмещая с этим занятием литературой, он ответил: «Литература — баба ревнивая — совместительства не терпит» и пояснил, что литературе надо отдаваться целиком, но перед этим хорошо проверить свои силы.

Несколько слов о Горьком, как о воспитателе. Когда я прочел ему начало поэмы «Ночлежник», где были строки — «Хочу, чтоб стих мой прозвенел, как в стекла брошенный булыжник», Алексей Максимович спросил: «Часто в жизни стекла били?» Я гордо рассказал несколько случаев. Горький нахмурился, потом стал вспоминать вслух, как в детстве он с приятелем бил стекла редких уличных фонарей, как их поймал фонарщик, но вместо того, чтобы дать взбучку, рассказал ребятам о работе на стекольных заводах. «Мы поняли, — сказал Горький, — что стекло — плод большого труда, человеческого ума и рук, и навсегда потеряли вкус к битью стекла. Но в то время молодежи некуда было девать свою энергию, не было ни клубов, ни читален, ни парков, в наши же дни хулиганить может только дурак или враг».

Подойдяше из подлых убили нашего Горького. Но прах убийщ давно зарос бурьяном, и имена их покрыты пеленой позора, а прах Горького лежит на самом почетном месте в мире — в стене Кремля, и имя его записано на этой стене и в наших сердцах рядом с именами лучших борцов за дело коммунизма, за дело Ленина и Сталина!

П. ЖЕЛЕЗНОВ.

водило его литературно-критической работой. Когда Горький в своих статьях, помеченных еще предреволюционными годами, пишет о необходимости объединения писателей во всероссийский союз, о национальных литературах народов нашей страны, о внимании к начинающим писателям и учебе их у классиков, — кажется, будто беседуешь с Горьким наших дней, организатором советской литературы. Еще в 1911 году важнейшей целью объединения литераторов Горький считает «знакомить русского человека с творчеством влемея, среди которых он живет».

В России есть украинская литература и наука — с каждым годом она цветет и зреет все ярче; занимается культурное движение в Белоруссии и среди казацких татар... мы ничего почти не знаем о том, как живут армяне, грузины, латыши, эсты и литовцы...»

Эти строки были написаны 30 лет назад. Как прекрасно воплотилась далекая горьковская мечта о дружбе всех народов нашей родины — воплотилась и в нашей политической действительности, и в жизни советской литературы!

Книга несобранных статей Горького о литературе открывается малоизвестной автобиографией, написанной Алексеем Максимовичем еще в 1897 году. Она кажется особенно уместной в этом сборнике, ибо на всех высказываниях Горьково-критика лежит яркий отпечаток неповторимой личности. Узнавая с помощью Горького образы художников слова, мы в то же время по-новому ощущаем самую натуру Горького, его прекрасное, всегда побеждающее нас горьковское чувство жизни.

У нас есть литературоведы, уверенные в том, что рыбий темперамент, отсутствие самостоятельной мысли и живого чувства есть необходимое условие научно-литературного анализа. Литературные статьи самого Горького — страстный протест против этих сонных будничков от литературной науки.

А. РОСКИН.

Максимовича «Достигаев и другие». Помимо, как сам Горький читал нам это произведение. Когда кончилась читка, он помолчал немного, а потом сказал, обращаясь к актерам:

«Ну-с, теперь расскажите ваши впечатления!»

Горький-драматург очень считался с замечаниями наших режиссеров, актеров, чутко к ним прислушивался, верил в их искренность и знание особых профессиональных законов сцены.

Интересно, что в то время, когда проходила читка пьесы «Достигаев и другие», в Художественном театре шли полным ходом репетиции пьесы «Егор Булычев и другие». Поэтому весь коллектив театра был захвачен образами горьковской драматургии, многим предстояло воплотить их на сцене. Я в то время репетировал роль Егора Булычева, покрывшую меня психологической сложностью и многогранностью этого образа.

Я чувствовал, что еще не нашел настоящего ключа к полному овладению образом. И вот однажды, снова перечитывая пьесу, я почувствовал, что меня как-то по особому задела одна фраза Булычева: «...не на той улице я живу!» Я вдруг понял всю силу этой богатой натуры, его тоску и злость, бунт отчаяния против всего нелюбимого.

Передо мной большие листы ленованной бумаги, сплошь исписанные рукой Горького. Круглые, почти оторванные одна от другой буквы ложатся на страницу ровным и в то же время причудливым узором.

Помнится тот далекий день, когда Алексей Максимович достал эти листы из ящика своего стола.

Увидев в руках у Алексея Максимовича какие-то черновые наброски, я подумал было, что он собирается прочесть новый рассказ, статью или отрывок из романа.

Но по заголовкам легко было догадаться, что это не рассказ, не статья и не глава романа. Заголовки были такие: «Младший возраст. Игры. Книжки», «Средний возраст».

В какой-нибудь согне строк Горький коснулся многообразных интересов читателя-ребенка.

Когда-то в молодости, еще в нижегородский период своей жизни, Алексей Максимович осуществил одну очень любопытную затею.

Затем эта затея заключалась в том, чтобы при помощи воюшки и клея изготовить самодельные книги-альбомы, наклеив на чистые листы бумаги картинки из старых журналов. Такие альбомы предназначались для деревенских ребят.

А теперь, на склоне лет, среди множества самых различных своих дел, Горький с тем же молодым увлечением изобретал и придумывал книги, но уже не для десятков, а для миллионов ребят своей страны.

В его списках научные книги для детей стоят рядом со сказками, исторические романы и воспоминания—рядом с баснями и веселыми стихами, классическими и современными. Какая-нибудь практическая, утилитарная тема — «Что дают людям овца, свинья, корова» уживается на одной странице с волшебными рассказами Шехерезады и «Бюбюк-Горбунгом» Ершова.

Внимательно разглядывая записи Алексея Максимовича, ясно видишь, как настойчиво заботился он о разнообразии тем и жанров. Он проектировал книги о том, «Чем обязаны люди наукам—физике и химии», «Исторический очерк главнейших путешествий, их цели и достижения», географические рассказы — о нашей стране и о других государствах мира, — «Очерк первобытной культуры, богато иллюстрированный», «Очерк по истории Египта, Греции, Рима», «Очерк по истории быта Европы до Возрождения», «Возрождение...»

Часто в записях Горького упоминаются темы, сопровождающие маленькие приращения на полях или в самом тексте. Это — краткие напутствия для тех, кто будет писать книги, и для тех, кто будет их издавать.

Против темы «Исторический очерк главнейших путешествий, их цели и достижения» на полях написано:

«Записки Диана, солдата Кортепа, завоевателя Мексики и Перу, дадут прекрасную иллюстрацию целей путешествственных-разведчиков».

Предлагаю писателю тему «О человеческих словах и чужаках разума, организованного наукой». Горький на полях пишет:

«Обязательно указать на медленность работы мысли в объяснять поли-

всем по-иному стал работать над ролью.

В процессе работы над Булычевым мне много раз приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем, подолгу беседовать с ним. Когда я спрашивал у него о некоторых, чисто биографических деталях из прошлого Булычева, Горький с потрескавшей силой рассказчика начинал вспоминать и рассказывать такие истории, что я забывал обо всем на свете, сидел молча, боясь проронять хотя бы слово. Как я жалел потом, что эти его истории никак не записывались, остались вне собраний его сочинений. После авторской разработки они составили бы еще несколько томов замечательных произведений Горького.

К сожалению, А. М. Горькому уже не удалось быть на премьере его пьесы «Достигаев и другие», показанной театром в дни 40-летнего юбилея Художественного театра. Для нас, «станков МХАТ», и для новых поколений Художественного театра оценка драматурга, чье имя с гордостью носит театр, была бы лучшей наградой. А образы его произведений вечно будут жить в спектаклях театров неопытной Советской страны, в спектаклях передовых театров всего мира.

Л. ЛЕОНИДОВ,
народный артист СССР.

Сто строчек

литическую — классовую причину этой медленности».

В своих программах летского чтения Горький был, разумеется, далека от упрощенной диалектики. Но основные его педагогические мысли сквозят в этих кратких записях со всей отчетливостью, пронизывают их красной нитью. Главным героем большинства предложенных и придуманных им книг является труд — основа человеческого общества.

«Чем люди живы» — так названа им будущая книга о труде, открывающая собой раздел литературы для младшего возраста.

Увидев в руках у Алексея Максимовича какие-то черновые наброски, я подумал было, что он собирается прочесть новый рассказ, статью или отрывок из романа.

Но по заголовкам легко было догадаться, что это не рассказ, не статья и не глава романа. Заголовки были такие: «Младший возраст. Игры. Книжки», «Средний возраст».

В какой-нибудь согне строк Горький коснулся многообразных интересов читателя-ребенка.

Когда-то в молодости, еще в нижегородский период своей жизни, Алексей Максимович осуществил одну очень любопытную затею.

Затем эта затея заключалась в том, чтобы при помощи воюшки и клея изготовить самодельные книги-альбомы, наклеив на чистые листы бумаги картинки из старых журналов. Такие альбомы предназначались для деревенских ребят.

А теперь, на склоне лет, среди множества самых различных своих дел, Горький с тем же молодым увлечением изобретал и придумывал книги, но уже не для десятков, а для миллионов ребят своей страны.

В его списках научные книги для детей стоят рядом со сказками, исторические романы и воспоминания—рядом с баснями и веселыми стихами, классическими и современными. Какая-нибудь практическая, утилитарная тема — «Что дают людям овца, свинья, корова» уживается на одной странице с волшебными рассказами Шехерезады и «Бюбюк-Горбунгом» Ершова.

Внимательно разглядывая записи Алексея Максимовича, ясно видишь, как настойчиво заботился он о разнообразии тем и жанров. Он проектировал книги о том, «Чем обязаны люди наукам—физике и химии», «Исторический очерк главнейших путешествий, их цели и достижения», географические рассказы — о нашей стране и о других государствах мира, — «Очерк первобытной культуры, богато иллюстрированный», «Очерк по истории Египта, Греции, Рима», «Очерк по истории быта Европы до Возрождения», «Возрождение...»

Часто в записях Горького упоминаются темы, сопровождающие маленькие приращения на полях или в самом тексте. Это — краткие напутствия для тех, кто будет писать книги, и для тех, кто будет их издавать.

Против темы «Исторический очерк главнейших путешествий, их цели и достижения» на полях написано:

«Записки Диана, солдата Кортепа, завоевателя Мексики и Перу, дадут прекрасную иллюстрацию целей путешествственных-разведчиков».

Предлагаю писателю тему «О человеческих словах и чужаках разума, организованного наукой». Горький на полях пишет:

«Обязательно указать на медленность работы мысли в объяснять поли-

Он хотел воспитать в детях интерес к первоисточникам, умение сопоставлять различные точки зрения, критически мыслить, работать над книгой.

Ему дорог был пятнадцатилетний и деятельный читатель, способный искать книгу, выбирать ее и думать над ней.

Именно на такого читателя рассчитывал Горький, перебирая в памяти бесчисленное количество знакомых ему книг и строя планы будущей библиотеки для советских детей.

С. МАРШАК.